

18+

ВАЛЕНТИНА АБАКУМОВА

Физика лириков

Валентина Абакумова

Физика лириков

«Издательские решения»

Абакумова В.

Физика лириков / В. Абакумова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901978-3

Отдельно взятые предметы физического мира — просто предметы, но собранные художником в композицию они превращаются в лирический объект. Так и отдельные жизненные ситуации, собранные писателем как бусинки на одной ниточке, превращаются не только в рассказ, но и приобретают лирический и в определённом смысле духовный аспекты. Поэтому в книге соседствуют рассказы и натюрморты.

ISBN 978-5-44-901978-3

© Абакумова В.
© Издательские решения

Содержание

Театральная история деревни Казанка	6
Правда жизни...	8
А у тебя миллион есть?	13
Бывает...	15
Се ля ви...	17
Чёрный лягушонок	21
Невыдуманная история 5. Надежда	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Физика лириков

Валентина Абакумова

Художник Ильдар Гафиятуллин

Ильдар Гафиятуллин *Художник*

© Валентина Абакумова, 2018

ISBN 978-5-4490-1978-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Театральная история деревни Казанка

– Нет, девочка! Тебе в зал можно только со взрослыми.

Вот ведь незадача! Мне обязательно нужно попасть сегодня в клуб... Там премьера нового спектакля скоро начнётся. Мама моя играть будет в нём... Я специально все уроки поторопилась выучить, чтобы на спектакль успеть. А здесь стоят какие-то незнакомые люди и не пускают. Говорят, что без взрослых в зал нельзя. Потому что поздно. Нет, если бы они были из нашего села, то пропустили бы меня. Потому что моя мама – первая актриса в этом сельском театре, а я – вторая. Я бываю нужна, когда в действующих лицах есть ребёнок. И меня все знают! А эти... Они, наверное, из Кизлояма. Это деревня у нас тут поблизости есть такая. Приехали на премьеру и помогают... Вот, напояли.

Я стояла на площадке перед клубом деревенским и хлюпала носом, слёзы текли по щекам горячими ручьями.

– А ты что здесь стоишь? Почему не в зале? – спросил меня пробегающий мимо кономеханик. Так мы называли того, кто нам кино крутил в клубе каждый вечер. В шесть часов вечера начинался фильм для детей, а в десять вечера – для взрослых. Кино у нас почти каждый день было. А вот спектакли очень редко. Иногда летом какие-нибудь залётные артисты заезжали, но они чаще всего с концертной программой, а театры были только свои, доморощенные. Почти в каждой деревне собиралась группка самых активных и неуёмных людей, которые ставили спектакли. По тем временам в каждый клуб приходили журналы «Художественная самодеятельность», там можно было найти и пьесы, и песни, и юмористические тексты. Телевизоров не было, только радио. А самой любимой программой у всех была «Театр у микрофона», так что зритель где-то даже подготовленный приходил на спектакли доморощенных театров. В них играли учителя, медработники, сельсоветовские клерки, в общем те, кто не больно был загружен тяжёлым физическим трудом в колхозах и в домашних хозяйствах. В нашей деревне, например, считалось, что, если учительница имеет корову и поросёнка, то ей некогда об учениках думать, хозяйские заботы отвлекают от педагогики. Поэтому учителя отказывались от домашнего хозяйства. А моя мама была учительницей начальных классов. У нас только огородик небольшой был. А за молоком я на колхозную ферму ходила.

И театры эти деревенские ездили на санях по соседним деревням со своими спектаклями зимними вечерами, так что один раз в месяц мы могли новый спектакль увидеть. А на премьеры часто приезжали из близлежащих деревень самые активные зрители. Вот такие меня и не пустили сегодня в зал за мой малый рост и возраст. Киномеханик выслушал меня и позвал в свою будку смотреть спектакль через окошечко. У него их два, так что мешать я ему не буду. Да мне и лучше всё будет видно, а в зале, если на первом ряду не успеешь место занять, то ничего не будет видно из-за спин впереди сидящих. И будешь только слышать, получится театр без микрофона, зал будет смеяться, а ты и не увидишь, почему. Поэтому я даже обрадовалась этому приглашению.

Из окошка киноподборки сцена просматривалась очень даже хорошо. Я обычно все мамини роли знала наизусть, но сегодня у неё совсем небольшая роль будет. Она сегодня играет Шаманову, учёного, к которой уходит муж главной героини спектакля Тани. Сегодня будут играть драму Арбузова «Таня».

Вообще, в деревне больше любят комедии. Смеются в клубе охотнее, чем плачут. Слёзы и по жизни всем хватает. Но в этот раз выбрали не комедию, а драму, опять же из-за мамы моей. Она отказалась играть в комедиях. И вот почему.

Пьесу предыдущего спектакля написал местный писатель. Называлась она «Нашла коса на камень». А история в ней была такова. Молоденькая медсестра, которая приехала в колхоз после окончания училища, постоянно штрафовала председателя колхоза за нарушения сани-

тарного режима то на ферме, то в птичнике, то в полях. А это ну никак не нравилось председателюше, которую и играла моя мама. Во-первых: жалко расставаться с деньгами. Во-вторых: как эта финтифлюшка смеет так себя вести? Неуважительно. И к ней, председателюше, и к её мужу – главному человеку в этом колхозе! Да кто она такая? Козочка Розочка любимая так и та больше значит, чем это фря в белом халатике! Как она смеет запрещать возить к ветеринару козочку Розочку на председательской «Волге»? Видите ли, ей надо в район за медикаментами ехать, а с Розочкой она ехать не согласна. В конце концов, кто в доме хозяин? А тут ещё одна беда настала! Сынок, студент сельскохозяйственного вуза, на каникулы приехал, увидел эту фрю и влюбился! Надо сделать всё, чтобы он забыл про неё! А помочь в этом председателюше пообещали двое командировочных из области. Мол, у них связи большие есть, они напишут анонимные жалобы на медсестру куда надо, и её уберут из колхоза. Как уж председательша щедро подкармливала этих командировочных за обещанную услугу! А им только этого и надо было! Они и не собирались кляузничать. Так что дело-то подкатило к самой свадьбе сына с этой такой-сякой медсестричкой. Как тут не разгневаться? Схватила председателюша метлу да и давай гонять по сцене этих командировочных-обманщиков. И тут надо сказать, что играли этих командировочных учитель физкультуры, этакий деревенский Шварцнеггер, и ботаник в очках, но директор школы в действительности. И всё бы ничего, да только в зале вместе с родителями сидела девочка семилетняя. Которая должна была идти в первый класс, да не к кому-нибудь, а именно к моей маме. А мама моя была очень хорошей учительницей, она даже второгодников в хорошисты выводила, родители стремились именно к ней своё дитя устроить! А тут вдруг такая ситуация. Зал смеётся над тем, как метла по спинам хитроумных командировочных гуляет, а девочка разрыдалась на весь клуб: «Не пойду, – голосит, – я к этой учительнице! Она даже директора школы метлой бьёт, и нас, детей, лупить будет!» Вот поэтому-то мама и приняла решение: никогда больше в комедиях не играть. А без неё-то как же? Зритель не поймёт. Вот и выбрали драму.

Спектакль начался, я терпеливо ждала маминого выхода. Но оказалось, что не я одна ждала-то. Весь зал ждал. Почему? Да посмеяться хотел.

И вот она появилась. В чёрном строгом костюме, в белой блузке. В руках папочка с документами. Волосы стянуты назад в тугий узел. На носу очки. Наверное без стёкол, зрение-то у неё стопроцентное. Она выглядела так, как будто пришла на работу в школу. Она всегда так выглядела. Но, несмотря на такой серьёзный вид, зрители стали подхихикивать. Смех сначала пробежался по залу лёгкой волной, казалось, вот секунду и он остановится, но этого не происходило, и мама-Шаманова никак не могла произнести ни слова, сдавленный смех в зале не прекращался. Тогда она повернулась к залу лицом и обратилась к зрителям: «Товарищи! Не надо смеяться... Я сегодня серьёзную роль играю...» И зал взорвался! Аплодисментами и смехом... Я думала, что на сцене больше уже ничего не произойдёт, и очень расстроилась. Но минут через пять спектакль всё-таки продолжился. А драма стала ещё одним любимым жанром в нашей деревне.

Правда жизни...

Вы себе представить не можете, какой он! Он... он умный! Красивый! С ним интересно...! Правда-правда! Ну, не может же быть глупым кандидат медицинских наук и преподаватель мединститута... Ну, не может... При этом он ещё и практикующий врач! Значит, не лодырь! И красивый! Это, ведь, редко бывает: умный, красивый, трудяга и богатый! У него квартира есть. Трёхкомнатная. Машина. И квартира в очень хорошем районе, с отдельным непроходным двором и охраной!

Теперь это даже весело вспоминать... А тогда... Тогда ещё не было мобильных телефонов, иностранных машин, да и своих отечественных совсем немного, в магазинах из самого ценного только ветчина по три рубля пятьдесят копеек и голландский сыр, вонючая квашеная капуста и немытая картошка по 12 копеек кг. А одежду можно было купить только на Толкучке (местный рынок) у фарцовщиков втридорога. Даже колготки только там были. Нет, они и в магазинах иногда тоже были, но это ж поймать момент надо было и очередь отстоять... То есть, приобретать в магазине за приемлемую цену даже простые мелочи было практически невозможно. Потому что ничего в них не было.

А вот он, Дима, был. Просто так. Откуда ни возьмись, но только для меня. И в очереди стой—не стой, а не достанется. Потому что мой. И вместе с ним в мою жизнь пришли привилегии. Димин отец был крупным чиновником в обкоме партии, да-да, той самой. Я думала, что они, коммунисты, живут так же, как и все люди, но всё оказалось не так. Вот потому и двор с охраной. А каждое утро во двор этот приезжал автомобильчик москвич-пирожок, и в его грузовом отсеке чего только не было на продажу! Например, сёмга. Люди-то знали только хек и минтай. А тут – сёмга! А ещё сгущёнка и тушёнка. Да! Это было дефицитом номер один! Конфеты в коробках. Разные. И «Родные просторы», и «Птичье молоко»... Кстати, те конфеты с этими названиями были гораздо вкуснее, чем теперь. Может быть, потому что все компоненты были исключительно натуральными? Да и изготавливались не в таком количестве, за качеством успевали присматривать... Да что там! Я тогда в первый раз увидела мороженую клубнику! Вот это был продукт! Живая клубника под Новый год... И почему-то это отличие жизни тех от этих тогда не вызывало раздражение, казалось, что это всё и есть то самое светлое будущее, к которому и идём... ну... должен же быть ориентир. Просто кто-то уже пришёл, а кому-то ещё идти и идти.

А по ночам он слушал Голос Америки и радиостанцию Свобода. Вот. Может быть, я была не достаточно умна, чтобы всё правильно понять, но... мне было очень хорошо рядом с ним. И ему, по крайней мере, не было стыдно за меня. Я умела пользоваться столовыми приборами, отбивную ела, отрезая кусочек за кусочком, а не разрезая её сразу, как некоторые дамы, отличала Бриттена от Моцарта, знала наизусть «Незнакомку» Блока, имела свои предпочтения в переводчиках Хайяма и носила эксклюзивную одежду. Никто и не догадывался, что шила её сама. Вот поэтому и не была похожа на других... Вообще-то я очень старалась. Быть достойной Димы.

Однажды мы забежали на полчаса к нему домой, чтобы закусить перед походом в драмтеатр на спектакль о Емельяне Пугачёве. И пока я возилась со сковородкой, Дима побегал в магазин за хлебом, забыли купить по дороге. От яичницы меня отвлёк звонок в дверь. У него же ключ есть! Сам бы мог открыть... Но всё-таки пошла открывать. За дверью стояла молодая девушка. Рыжая копна волос, нос с горбинкой, ярко накрашенные губы и отчётливый запах модных польских духов «Быть может».

– А-а-а... Дмитрия можно увидеть? – она прищурила глаза и с нескрываемым любопытством стала меня разглядывать.

– Он скоро подойдёт. Если вам угодно, вы можете подождать его.

- Я так и сделаю! – ответила она, прошла в прихожую и сняла своё пальто.
- Проходите сюда, пожалуйста, – я показала ей на дверь в гостиную.
- Мне будет уютней здесь, – сказала она и прошла в кабинет Димы.

Ничего себе гостя! Как у себя дома. Ой! Извините, там у меня сковородка пыхтит. Я вернулась на кухню. И через минуту почувствовала тяжёлый взгляд в спину. Обернулась. Неожиданная гостя стояла в проёме двери, небрежно прислонившись к притолоке. Она смерила меня взглядом и, разбавив тон издевательской ноткой, произнесла:

- Так вот, значит, какая ты, дама – будущая жена... Ну-ну...

– Простите, что вы этим хотите сказать? – я положила ложку на тарелку и повернулась к госте всем корпусом, сохраняя должное расстояние, в надежде, что оно защитит меня от неожиданной и странной агрессии.

– А передничек-то тебе идёт... Давай-давай... Колготись... Должен же кто-то быть у Дмитрия в услужении.

- Да кто вы такая? И что вам даёт право говорить со мной в таком тоне?!

– Я?! Ты что же, до сих пор не знаешь про моё существование?... Ещё никто не посвятил?... Я – дама вечная любовница. Много уже вас отсмотрела – таких дам будущих жён. У вас у всех есть великолепное качество: бессилие превратиться из будущей жены в настоящую. Ладно, живи. Всё равно недолго.

- Да как вы смеете?

– Да никак. Вы, идеальные простушки, любите его только до тех пор, пока не узнаете. Поэтому недолго. А я люблю его таким, какой он есть. Поэтому всегда.

- О чём это вы..?

Она опустила глаза, раздвинула в улыбке ярко накрашенные губы и произнесла, сохраняя эту непонятную мне и даже таинственную улыбку:

- Когда поймёшь, о чём, готовить яичницу будешь уже другому...

Она прошла в прихожую, пошуршала там, наверное, одевала пальто, и хлопнула дверью.

А я думала, столбенеть мне или не столбенеть? Вот придёт сейчас Дима, мне ему рассказывать про эту фурию или, наоборот, умолчать? А если разговор о ней приведёт куда-нибудь... не туда? Если он вдруг защищать её будет? Мне придётся хлопнуть дверью... А я не хочу... Ну, даже, если не будет её защищать, значит, будет оправдываться... И сразу потеряет свою прелесть. Но, даже если не будет защищать или оправдываться, то... будет меня обманывать... Что ж в этом хорошего? А если не будет и обманывать, а просто скажет всё, как есть, ну, например, как она и говорит... Я же не смогу этого принять! Да! Конечно, он может сказать то, что я хотела бы услышать, что мол, да, была такая, но больше никогда не будет, потому что есть ты и только ты... Но будет ли это правдой? Как тогда я буду его любить? Сомневаться в нём и лю... Нет, если сомневаться, то как любить? А она вот не сомневается. Что же она такое о нём знает, что это не мешает ей его любить? И что же я такого о нём не знаю? А что я знаю? ... Что он – умный... С ним интересно... Он красивый...

Мои размышления прервал звук открывающейся двери.

– О! Чувствую аппетитные запахи. Всё уже готово? Какая ты у меня молодец! Дима положил хлеб на стол и поцеловал меня в мочку уха.

Я чуть было не начала говорить: «Слушай, тут без тебя такое...» Но проглотила эту непотребную фразу и отвернулась к мойке. Я... не знаю его. Я не знаю, как он воспримет всю эту ситуацию! Вот поставлю я перед ним выбор: она или я. И что? Если он выберет её? Тогда как же? Готова ли я уйти? Нет, он, конечно, не может... не должен! выбрать её... но... я не знаю! как он поступит... И идеальный ли он... Всполаскиваю чашки для чая, а сама думаю: «Вот. Я уже и на услужении... просто на услужении. На молчаливом услужении. Безропотном... И куда это мои права делись?...»

В театре артист Антонов в образе Пугачёва рвал цепи на своей груди перед казнью, а я думала, что же лучше: плен или казнь? И если есть свобода, то от чего и для чего?... И если я выброшу из головы сегодняшнюю встречу с Дамой Вечной Любовницей, то сделает ли меня это свободной и счастливой? А если всё время буду об этом думать, то не стану ли Дамой Вечной Пленницей стереотипов?

Но, слава Богу, всё проходит и даже забывается. Забыла я про эту даму – Вечную Любовницу через недельку. Вернее, перестала о ней думать. Выбрала плен ощущения счастья взаимоотношения с идеальным Димой...

А ещё через недельку начались зимние каникулы в школах, и ко мне приехала из провинциальной деревеньки сокурсница, которая так же как и я всего несколько месяцев назад закончила педагогическое училище и приняла первоклассников, чтобы научить их читать, писать и считать. Но эта идеальная картинка вскоре оказалась порушена обстоятельствами личной жизни.

– Слушай, помоги... У меня только на тебя надежда, – взывала Люба ко мне, – у тебя много разных знакомых в городе, найди тех, кто мне поможет. Я заплачу.

– Да что с тобой случилось-то?

– Зачем тебе подробности? Мне нужно сделать аборт. Дома я не могу, слухи разные пойдут... Молодая учительница и на тебе! О замужестве даже не заговаривай! За этого человека нельзя замуж выходить. Как, как? Вот так! Вот так получилось... И рожать... Да я бы и родила, но опять же, что обо мне там говорить будут?! Вся жизнь под откос... Ну, пожалуйста, ну, помоги...

А чем я ей могла помочь? У меня среди врачей вообще знакомых нет... Дима не в счёт. Он венеролог. И вообще, как я с ним на эту тему говорить буду? А гинекологов я в глаза ещё не видела. Да... Вот это ситуация... А ведь с любым может случиться... Ой, кажется, есть вариант!

– Слушай, у меня есть один знакомый, мне девчонки говорили, что он уже помог с этим одной. Я-то не прислушивалась, думала, что не понадобится... Но, может быть, он поможет. Зовут его Яшей. Правда, сразу должна предупредить, он мне о-о-очень не нравится... Противный. Живёт фарцой. То джинсы на продажу таскает, то пластинки с битлами, то какие-то батники, то шузы... Может, поэтому у него знакомых немерено. И всякие там у него есть. И я не знаю, на каких условиях он эти услуги оказывает...

– Не важно! – перебила меня Люба, – пусть он будет хоть чёртом лысым! Только пусть поможет.

– Он как раз наоборот – лохматый, – попыталась я пошутить, – ну, раз тебе не важны условия, тогда пошли звонить, телефон-автомат за углом. У него домашний телефон есть. Тоже, наверное, по блату установил...

Переговоры были недолгими. Яша вник в проблему за четверть минуты, просто назвал адрес, куда нужно было подойти Любе. Прямо сейчас.

– Люб, что-то я переживаю. На ночь глядя... Хотя с другой стороны левые аборты, наверное, так и делают, вечерами или даже ночью...

Люба вновь появилась утром. Подавленная и едва сдерживающая слёзы.

– Что? Всё сделано уже? Ну и что же ты теперь-то переживаешь? Сама же этого хотела...

– Нет, ничего ещё не сделано, – с отчаянием почти шёпотом ответила Люба, – их было двое: Яша и ещё один. Тоже противный. Но это было их условие. Это ужасно...! Они-то по очереди меня... ну, ты понимаешь... а то сразу оба...

– ...Как это...?

– Не спрашивай!

– И что, и всё? А дело-то будет?

– Вот номер телефона. Они дали. Сказали, что там всё для меня сделают. Но и там есть одно условие: нужно будет и с этим, третьим, тоже... А денег они не берут. Только духи нужно будет врачу купить... Она – женщина.

По щекам Любы текли густые слёзы. Что бы ей такое сказать, чтобы успокоить? Ладно, потерпи, осталось немножко? Забей и пошли всех на?.. Лучше родить... Или перешагнуть через стыд и пойти в свою районную больницу? В конце концов, можно будет переехать в другую деревню. Молодые мамочки имеют право отказаться от работы по распределению.

– Ой, только ничего мне сейчас не говори! Не успокаивай и не ищи варианты. – Люба прервала мои мысли, как будто подслушала их, – оттерплю до конца. Только у меня к тебе просьба: поговори по телефону от моего имени с этим, третьим... Я не смогу с ним спокойно говорить... А там, что будет, то будет!

– Хорошо. О чём нужно договориться?

– Что я от Серёжи.

– От Яши!

– Нет, от Серёжи. Это второй. Ну, тот! Звонить мы будем уже Серёжиному знакомому. Врачу. Нужно договориться только о том, когда и куда я должна к нему подъехать.

Телефон-автомат, слава Богу, свободен... Люба держала для меня листок с номером телефона, а я набирала цифры. 7 – 28 – 4... Что? Это же телефон идеального Димы! Земля перестала крутиться... Под номером телефона было написано имя – Дмитрий Сергеевич... Что, ещё есть сомнения? Да, я звоню своему идеальному Диме, который сказался сегодня занятым, потому и свидания с ним сегодня не будет. У меня.

– Дима? Привет...

Люба взглянула на меня круглыми от удивления глазами.

– Дима...

– Извини, я же сказал: я сегодня занят...

– Нет-нет! У меня на сегодня другое расписание: переживать за свою приятельницу. Ты ведь ждёшь пациентку от Серёжи? Любу? У меня к тебе просьба: не трожь её, пожалуйста. С тобой, наверное, хорошо, но она уже под завязку насыщена сексом. Помоги ей без всяких условий. Я передам ей сейчас трубку, скажи, куда и когда ей подъехать.

Люба снова появилась у меня через день.

– Спасибо тебе. Не обессудь, – она поставила передо мной модные польские духи «Быть может», – это тебе. Не понадобились. Мне их Яша продал. Для врача. Но Дмитрий сказал, что ничего не надо.

– А скажи мне, как врач выглядела?

– Молодая. Рыжая. Нос с горбинкой. И духи «Быть может» у неё уже есть.

Наверное, где-то идеальные есть, но я пока с ними не знакома... А, может, дело вовсе не в идеальности... Но Диму я уже видеть не могла...

«Селекция №16» 1997г. 65×45 смеш.тех.

А у тебя миллион есть?

У него есть очень богатая бабушка. Потому что у неё есть миллион. И даже не один... Ну, а если это бабушкины миллионы, значит они принадлежат ему. Поэтому всех, с кем встречался, он обязательно спрашивал: «А у тебя есть миллион?» Этот же вопрос он задал и Пи Лю Гину, когда приехал погостить в Ташлу. Пи Лю Гин удивился вопросу, но честно ответил: «Нет». А потом подсчитал, что если он будет ни есть, ни пить, то всё равно миллион из его пенсии получится только через одиннадцать лет. «Не доживу», – подумал Пи Лю Гин, а вслух с грустью добавил: «И, наверное, никогда не будет...» «Тогда что с вами разговаривать!» – пренебрежительно ответил десятилетний Алёшка седому деду, гордо приподняв кончик носа чуть выше естественного положения. Не меняя выражения лица, он тут же обратился ко внуку Пи Лю Гина Марату всё с тем же вопросом. Ну, а зачем менять это самое выражение, если ответ можно было легко предположить. Но ответ оказался совсем другим:

- Миллион? Всего-то? У меня больше есть.
- Да-а-а? – удивился Алёшенька, – и сколько же?
- Очень много.
- Ну, а всё-таки? – не унимался Алёшенька.
- Ты до столько считать не умеешь.

«Странно, – подумал Алёшенька, – я даже знаю, что такое миллиард, а Марат всего на три года старше меня, неужели им в школе рассказывали ещё про какое-нибудь большое число?»

– Я умею считать до миллиарда. У тебя что, больше миллиарда есть? – не отставал он от Марата.

- Нет, я просто богаче тебя.
- А чем же? Докажи!
- Пойдём, покажу.

Марат подвёл его к стеллажам, расположенным в углу большого дедова дома, на которых хранились живописные полотна покойного отца Марата. Он достал одну большую картину, на которой было изображено какое-то странное насекомое-животное, на нём, как на лошади, восседала необычная, но очень красивая женщина...

- Кто это? – спросил Алёшенька?
- Ну... это зависит от того, кто на неё смотрит, – попытался объяснить Марат.
- Как это?

– Чем больше миллионов у тебя в голове и в сердце, тем понятнее, а если у тебя там только по пять копеек, то это просто весёлая картинка, – Марат повторил то, что когда-то ему говорила про отцовы картины бабушка.

- Но если я захочу, я могу купить эту весёлую картинку!

– Можешь. А я могу тебе её продать. Только я продам тебе всего лишь весёлую картинку, которую ты видишь своими пятью копейками, а всё остальное, что есть в этой картине, останется со мной.

- Как это? – недоумевал Алёшенька.

– А так. Неважно, где будет находиться эта работа: на стене в твоём доме, в музее ли, или её фото будет напечатано в каком-нибудь красивом альбоме, я всегда смогу сказать: «Эту картину написал мой папа», – и каждый захочет со мной поговорить.

Алёшенька всматривался в радугу красок и никак не мог понять, что же такого хорошего есть в этой картине, почему это Марат ею гордится?

- Ну и чем эта картинка лучше, чем миллион?

– Миллион, например, тебе только мешает разговаривать с людьми и дружить с ними, а картина, наоборот, помогает. У меня будет много друзей, а ты будешь один. Ну, разве что,

с миллионом. Тебе со мной, может, и незачем разговаривать, а мне с тобой не о чем... – резюмировал Марат.

– Мальчики, не ссорьтесь! Лучше идите чай пить со свежим липовым мёдом, – позвала бабушка.

– О! Мёд я люблю! – сказал Алёшенька, но когда все уже направились в столовую, он подошёл к полотну с изображённым на нём дочерью Гебо, потрогал руками, даже понюхал, но так и не понял, почему это Марат считаем себя богатым человеком?

Бывает...

Сегодня похороны Марии Ивановны. Моей соседки по деревенскому дому. Это я теперь здесь живу постоянно, а когда-то – только наездами. По крайней мере, лето с детьми мы проводили в деревне, рядом с Марией Ивановной. Дети выросли, и рядом с Мариванной я уже живу вместе со внуками... А два дня назад Мариванна умерла...

А казалось, что это ей не грозит. Как всем ведьмам. Почему-то в деревне так о ней и думали. Но я по-соседски ничего эдакого не замечала за Мариванной. Ну да, держала она коз. Которых пасла на моём огороде. Очень удобно: охранять их не надо, потому что они за оградкой с калиткой. И есть чем поживиться. А что с моими яблонями будет, а также со щавелем, ревенем, капустой и цветочками... так что об этом думать? Может, мы и не приедем, ну не сможем в это лето приехать... Ну держала она квартирантов, которые «на химии» были, то есть срок доматывали на работе в местном лесхозе. Ну, подворовывали они, часто у соседей, и не только, а она защищала их, но ведь это не повод считать её ведьмой! Ну... приходили к ней местные женщины. Ругаться. Из-за мужей, которых Мариванна привечала. Так мало ли, зачем. Самогон она гнала. Может, они за самогоном к ней шастали. У неё хороший самогон был, за таким можно было и с другого конца деревни прийти... Для того чтобы местные мужики шастали совсем не обязательно привороты всякие накладывать. Самогон – самый убедительный приворот. Да, лечила молитвами и водой ключевой, буквально ключевой, потому что водила своих гостей лечиться на берег речки под названием Ключ. Да, рассказывала она всем всякие мистические истории про себя, то какого-то старца встречает в лесу, который ей всякие тайны рассказывает, то какая-то пропасть перед ней возникает там, где никогда её не было, а начнёт её обходить и окажется, что какую-то беду обошла... Ой, да мало ли она чего могла рассказать о себе! Жила одиноко. Говорила, что у неё двое детей есть. Сын, который уехал на заработки куда-то да и пропал, толи случилось чего, толи просто так хорошо зажил, что про мать-то и забыл. И дочь. «Красавица у меня дочь...», – говорила Мариванна, – даже артисток таких красивых нет! А всё потому что от большой любви родилась...»

– А где ж она теперь-то? – спрашиваю.

– Так замуж вышла. Рано она у меня замуж-то вышла... – Мариванна задумалась. – Всё потому что красивая. Вот он на неё и запал. Муж-то её нынешний. Сволочь такая! Был он у неё учителем физкультуры. И вот, в десятом классе она уже училась, соблазнил, гад... А я ему сказала, что со свету сживу его, так он сбежал к своим родителям в другой район и дочку мою прихватил. Редко, но приезжают. Побудут час-два – и домой. У них там хозяйство большое-немеряное, а дочка моя там за рабыню! И детей у неё трое... за стариками ухаживай, за детьми смотри, мужа неверного ублажай, огород – гектар целый, коров полтора десятка, сыр он делает, и цех этот сырный тоже на ней... Она пашет-выматывается, а он по бабам бегаёт!

– А кто ж отец её? Кто ж любимый-то, и куда делся?

– О-о-о! Это большой человек был! Умный... И красивый. Ой и красивый! Он был начальником большим. Его строительная бригада квартировала у меня. Они здесь коровники строили.

– А теперь-то он где? И знает про дочку-то?

– Да зачем же? У него семья была. Зачем я ему? И дочка моя... Зато дочь у меня такая красивая получилась! Может, у него все дети такие? Я-то только про сына одного его знала. Он учился на поэта где-то... Только я думаю, разве бывают такие институты?

– Бывают, Мариванна, бывают...

А однажды прибегает она ко мне раненько утром, взволнованная такая...

– Слушай, а кто это вчера к тебе приходил вечером? С женщиной такой худющей?

– Это который с худющей, говорите? Так это, наверное, Валера, поэт один.

– Поэт, говоришь... А фамилия у этого поэта какая?
– А что это вдруг он так заинтересовал вас, Марьиванна?
– Да уж больно он похож на отца моей дочери, только молодой. И на дочь мою похож, ну как есть брат да и только!

– Плотников его фамилия.

– Плотников?! Плотников, значит. Да и поэт ещё... Точно, это сын его... Надо ж, всё-таки аукнулось. Мир-то, видать, и вправду тесен...

Вечером ко мне снова заглянул Валерий со своей женщиной, занесли из лесу грибы показать, все ли съедобны, чтобы я определила. Городские часто путаются в этих грибах. Говорю им, если не знаете гриб, значит он ядовитый, не берите, так всё равно берут, тащат через весь лес, ладно, хоть, прежде, чем на сковородку его бросить, несут показать кому-нибудь из местных, чтобы определиться, можно ли его в пищу.

– А что отец твой, Валер, – спрашиваю, – жив ли, здоров?

– Увы, уже два года как похоронил. А почему тебя это заинтересовало?

– А чем он занимался по жизни?

– Строил. Начальником строительной организации был. А что случилось-то?

– Так его организация, похоже, местный коровник строила. И он здесь бывал.

– Может быть, но с чего вдруг тебе это стало интересно?

– Так соседка моя говорит, что дочка её ни дать, ни взять твоя сестричка...

– Ну... это слишком! Мало ли что деревенские тётки себе надумывают!

– А ты на кого больше похож, на мать или на отца?

– Однозначно на отца... – Валера замолчал и отошёл в сторону, давая знать, что не хочет продолжать эту тему.

Ну, как говорится, на нет и суда нет.

Так и забылась эта история... Теперь уже тридцатилетней давности. И вот сегодня мы хороним Марьиванну. Внуки её все приехали. И дочь тоже. Я её так никогда и не видела. Ну, что же, сегодня и увижу.

В доме Мариванны было не протиснуться. Все женщины пожилые собрались проводить Марьиванну. В том числе и те, кто когда-то приходил отношения с ней выяснять. Рядом с гробом стояла заплаканная женщина, где-то моих лет... Наверное, это и есть дочь. И вправду красивая... Боже! Как она похожа на поэта Плотникова! Сестра да и только...

Се ля ви...

– Ой... Валентина Михайловна...! Шадитешь, пожалушта!

Полная, по всему видно, раньше времени постаревшая женщина как-то очень бойко вскочила с кресла автобуса, желая уступить мне место. Мне показалось, что я значительно моложе её... Как-то всё это было неловко. Автобус направлялся с кладбища на поминки. Похоронили мать друга мужа. Наверное, эта женщина родственница другу мужа... Однако, когда мы ехали на кладбище, всем хватило мест, а тут как будто народу стало больше. Да! И откуда она знает моё имя?

– Нет, нет... Не беспокойтесь... Мне не тяжело.

– Валентина Михайловна! Вы меня не узнаете, што ль? Я – Таня... Вы в нашей школе работали... Вы у наш рушкий вели...

Боже мой! Это Таня! Хрупкая девочка из 6-го класса...

В эту школу никто из выпускников педучилища не хотел ехать. Рыдали на распределении, тогда ещё такое было, но отказывались ехать в этот сельский интернат для олигофренов. А я, как правило, обычно шла туда, куда никто не хотел... Должен же кто-то дырки затыкать... Часов у меня было много. Первый класс, 5-ый и 6-ой класс. Русский и литература. Программа 5-го класса относительно равнялась программе третьего обычной школы, а всё остальное сравнить невозможно было. Память этих детей была ну очень недолга, чуть больше информации, чем может воспринять такой ребёнок и он забывает даже то, что уже понял, потому и были возможны такие диалоги на уроке:

– Калягин, какая часть слова называется окончанием?

– Окончательная.

– Ну, это понятно. Как она определяется в учебнике?

– Не знаю...

– Повтори: изменяемая часть слова называется окончанием.

– ...называется окончанием...

– Ну, а какая часть слова-то?

– Не знай...

– А как называется изменяемая часть слова, Калягин?

– Не знай... – снова пожал он плечами.

Вот это и было тяжело. Родители этих детей были или такими же как они, олигофренами, или алкашами беспробудными. Хотя встречались там и вполне здоровые дети. Просто обиженные. Жизнью. Была там девочка-отличница в пятом классе. Отличалась умом и сообразительностью. «Как же ты сюда попала?» – спросила я её. «Часто в стогу ночевала. Папка пьяный бил всех, когда домой приходил. Я там и пряталась от него. Приходила в школу в соломе и с невыученными уроками... А когда поняла, что меня хотят в интернат отправить, испугалась... На комиссии молчала... Я все ответы знала, но не понимала, как надо отвечать, правильно или неправильно, чтобы меня из дома не забирали... Вот и молчала. И они решили, что я дурочка. Вот и отправили меня сюда...» Печально. Я обратилась к директору, мол, девочка маленькая по росту, если вернуть её в общеобразовательную школу в третий класс, она потянет и сможет закончить нормальную школу. «Что вы лезете, куда вас не просят? Нашей школе отличники тоже нужны!» – закрыл тему директор. А Танюшка... Танюшка жила с матерью-одиночкой, которая работала нянечкой в больнице. И была известна тем, что она, отлично выполнив свои обязательства, могла приложиться ко всему, в чём есть хоть немного спирта... И от какого очередного собутыльника дочку родила, она попросту не могла даже предположить...

И хотя дети эти не блистали умом, они были трудолюбивы и в должной мере ответственные. Главным предметом в школе был труд. Девочки учились шить и готовить, а маль-

чики работать с плотницкими инструментами. Девочки шили простыни, наволочки и мужские трусы. А мальчики делали оконные рамы, двери, калитки, штакетник, разделочные доски. Всё это оформлялось как товар и поступало в магазин. А ещё эти детки были необыкновенно заботливы, внимательны и совсем не брезгливы. Но почему-то считалось, что нянечками им быть нельзя, мол, опасно для больных, мало ли чего сдури они сделают! Как будто те, кто дебилами не считаются, не впадают в дурь время от времени...

Об их заботливости я знаю не понаслышке. Работая в этой школе, успела выйти замуж и даже забеременеть. А в школе этой учителя после занятий передавали класс воспитателям, чтобы был порядок. Только в первом классе детишки в этой школе совсем не умеют проситься в туалет. И, хотя всякий раз перед уроком спрашиваешь, не хочет ли кто-то пописать или покакать, редко кто признаётся... Так что к концу занятий в специальном ведре скапливалось энное количество, мягко говоря, нечистого белья. Нет, в конце концов ты их приучаешь к порядку, но первые месяца два это ведро было страшным сном для учителей начальных классов. Дело в том, что прачек в школе не было. Не положено. Потому и воспитатель не принимала это ведро ни под каким соусом, у самой к вечеру будет столько же.

А вот теперь представьте, что я с токсокозом стираю эти вещи... Девочки из старших классов заметили, что мне это даётся с трудом, и тогда Таня организовала тайное дежурство. Тайное, потому что труд детей в личных целях использовать было нельзя. Об этом мне сама Таня сказала. Так вот, она приходила каждый день в первый класс после уроков и уносила ведро с обкаканными штанами в прачечную. Там они с девочками быстренько всё это отстирывали, а я приходила только чтобы развесить у всех на глазах уже чистые штанишки... Так они меня спасали от несуразицы жизни.

Детки меня любили. Ещё и потому, что я вела в школе драматический кружок. А дети эти отличаются необыкновенным послушанием. Такие артисты просто мечта режиссёра. Достаточно только один раз показать им, что ты от них ждёшь, как они повторяют это во сто крат убедительней. Им давались самые сложные вещи. «Мы долго говорили о Рублёве, о сложном и нерукотворном свете...» Когда они это произносили со сцены на каком-нибудь смотре художественной самодеятельности районного масштаба, жюри не могло остаться равнодушным. Мы везли с таких конкурсов самые ценные дипломы, опережая детей из общеобразовательных школ. Им это так нравилось! И праздники школьные все наши были. Вот они меня и любили... Танюшка плохо произносила звук «с». Так я для неё какие-нибудь юмористические тексты подбирала. А-то и писала...

Впоследствии я только однажды встретила с Танюшкой. Работала я уже в одной из школ областного центра, стою на остановке после занятий. Вечер. Людей на остановке много. Конец рабочего дня. Среди них много родителей детей, которые учились в нашей математической школе. Все такие степенные, такие успешные. С английским достоинством приветствуют меня лёгким поклоном головы, встретившись со мной глазами. И вдруг!

– Валентина Михайловна! Щдравштвуйте! Как я ваш давно не видела!.. Ой. Вы такая же крашавая! Как тогда, когда нашей учительницей были... Ой, мы ваш так любили, так любили! – подбежавшая ко мне молодая женщина уже внушительных объёмов подхватила меня под мышки, подкинула вверх, поймала и поставила на ноги... Конечно, не очень высоко подкинула, но зато это заметили все, кто стоял на остановке. И пока я мучительно пыталась понять, кто это передо мной, она продолжила свой рассказ:

– А я теперь тоже в городе живу! А работаю вмешто мамы, нянечкой. – Тут меня осенило: это же Танюшка! Надо ж как изменилась... А взгляд-то всё равно такой же наивный. И добрый. Танюшка... – Ой, Валентина Михайловна, а что это вы к нам в больничу никогда не приходите? У наш вше женщины города бывают. И даже не раж... А вы – ни ражу не были... Я там штолько знакомых вштретила, а вы вщё не приходите и не приходите...

– А в какой больнице-то ты работаешь?

– Да в архирейке! У наш вше женщины города абортс делают. А вы где-то в другом меште абортс делаете?

Я замерла и боялась обернуться, чтобы не встретиться глазами с родителями учеников из своей престижной школы. «Ничего себе, – скажут они, – учительница! Каких учеников-то воспитала! А теперь вот наших учит...» Ну, как им объяснить, что жизнь-то разная бывает... И любовь тоже.

Тут подошёл мой троллейбус, я только и успела сказать:

– Танюшка, я рада была тебя встретить, но мне нужно ехать... – и юркнула в открытую дверь.

«Да... Танюшку, наверное, тоже ждёт судьба матери. Жалко девочку. Такая она добрая... Только смешная, неуклюжая, глупая. Оттого и жалко особенно. Хотя. Кто её знает, может она и не нуждается в жалости, может, она сама способна пожалеть всех? Одета она, конечно, супер просто, но чистенько. Всё постирано, отглажено... Так что всё нормально.» Я выглянула в открытое окно троллейбуса, он ещё не тронулся, а Танюшка увидела меня, подскочила к окну и торопливо сообщила:

– Ой, Валентина Михайловна, я не успела вам сказать. Я замуж вышла и уже двоих детишек родила! А у ваш дети ешть?

– Да, Танюш, тоже двое.

– Ой... Я так рада! Пушть у ваш вщё хорошо будет!

– И тебе, Танюш, всего хорошего.

А вот сейчас она уступила место мне в автобусе. Надо же! Как мир тесен! Она какая-то родня Фроловым! Опять чистенько одета. Только видно, что с чужого плеча. Да и то сказать, как она со своими двумя детьми эти кризисы экономические пережила? А этот мужичишка-замухрыжка, который раз в пять меньше её объёмом, наверное, и есть муж... Мог ли он обеспечить существование семьи? Однако, тоже чистенько и аккуратненько одет. Танюшка молодец. Свою марку держит. Только уж больно она изношенной выглядит... И поправилась слишком. Может, нездорова просто?

– Это муж твой, Таня?

– Да, это мужик мой. Мы с ним вщю жизнь вмести.

– А дети где же?

– Дома. Ждут нас. Мы им обещали пирогов привезти... А мамку я уже похоронила...

Автобус остановился около столовой, где были заказаны поминки. Мы вышли, но нас попросили подождать минут десять, не заходить пока внутрь. Ко мне подошла сноха похороненной нами женщины сегодня, Лена:

– Валентина, а что это за люди, с которыми ты общалась в автобусе?

– А разве они не ваши родственники?

– Нет, я первый раз их вижу. Ты не узнаешь, откуда они взялись?

Танюшка вместе с мужем стояла в стороне и вместе со всеми дожидалась приглашения войти в столовую. Я подошла к ней.

– Тань, а тётя Клава кем тебе приходилась?

– Какая тётя Клава?

– Которую мы похоронили сегодня...

– А-а-а! Так мы ш ней не были жнакомы... Живём мы так. По-другому не получилось выжить... Мы приезжаем на кладбище, когда здесь похороны, а потом поминать со всеми едем. Ждешь ведь и покормят, и ш шобой можно будет вжать. Пирогов. Детям... А что, наш хотят прогнать?

– А разве прогоняли раньше?

– Нет, не прогоняли... Мы ж не прошто так едим... Мы молимща за помёрших...

– Да нет-нет, Таня, не беспокойся. Молись и впредь...

Я подошла к Елене.

– Лена, это моя бывшая ученица со сложной судьбой, из вспомогательной школы. Они с мужем так живут. Вернее, выживают. Ездят по поминкам, так и питаются. Да ещё и детям пирогов с собой увозят. Вы их не гоните...

– Конечно, не прогоним... Они же не объедают, а поминают.

Когда помины дошли до пирогов с компотом, Лена подошла к Танюшке с пакетом, в котором лежали не только пироги, но и баночки с супом и с котлетками. Для детишек.

Чёрный лягушонок

Москва... МГУ... Мечты столетней давности. Очень хотела учиться там. Но на фоне безоблачной и счастливой жизни в тототшем, с такой сладостью поминаемом отдельной частью населения нашей страны СССР, где мои родители были скромными сельскими учителями, эти мечты представляли ценность только как невредные привычки. Учиться пришлось в провинциальном пединституте да и то на заочном отделении.

Потому-то очень хотелось, чтобы дети учились там, где хотели бы.

Юность детей прилась на знаменитые 90-е. Годы беспредела, обмана, вероломства, стяжательства, насилия, бессовестности, тотальной американской нравственности, внедряющейся в сознание через ворвавшееся в нашу культуру низкосортное (хорошее кино доходило с трудом и поздно) голливудское кино, время этакого нравственного Садома. И Гаморры. Но от мечты отказываться не хотелось. Дочь хотела учиться в финансово-экономическом университете Питера, в том самом знаменитом финэке, в котором преподавали учёные, по чьим учебникам учились студенты всех экономических вузов страны.

И вот наступил час, когда я с пришитыми к белью на животе карманом с деньгами, со скромным багажом и дочерью вышла из самолёта на бетонное покрытие Пулковского аэропорта.

Был ясный день. Солнце Питера приветствовало нас своим мягким интеллигентным светом, наше-то степное солнце обычно хватает в жёсткие бесцеремонные объятия, от которых иной раз просто не знаешь куда деться... А тут! Это нежное тепло питерского светила предсказывало благородство свидания с городом, в котором мечтала побывать с юности, очень хотелось увидеть Русский музей, и вот только благодаря мечте дочери меня через какой-то там часок ожидала эта долгожданная встреча. Часок этот должен был быть потрачен на дорогу из Пулково в Питер.

Автобус ждать не пришлось. Он уже стоял в ожидании пассажиров. Однако, едва мы вошли в заднюю дверь, а автобус был венгерским Икарусом с двумя салонами, соединёнными гармошкой, это очень важно знать или представить, потому что история, о которой я хочу рассказать, началась, как только мы ступили на заднюю площадку пассажирского прицепа этого автобуса.

Итак, автобус рванул с места сразу же, как мы зашли. Все места были заняты, поэтому нам пришлось стоять, едва удерживаясь на ногах и держась за поручни по причине того, что водитель автобуса развил непредсказуемо большую скорость. Благо, дорога была пустынная и ещё сохраняла качество советского происхождения. Те самые дороги и дураки размещались в СССР только в провинции, а в Москве и Питере, тогда Ленинграде, жители столиц не понимали, о чём идёт речь, когда кто-нибудь говорил про эти наши две беды.

Скорость, с которой двигался автобус, не только некоторый страх вызывала, но и совсем не давала возможности передвигаться по салону, чтобы как-то добраться до водителя и приобрести у него билет за проезд. Кондуктор здесь не наблюдался, как, впрочем, и везде по тем временам. «На следующей остановке, наверное, успею добежать до шофёра, в принципе, заняты в основном только сидячие места, так что добегу по свободной дорожке без проблем до шофёра,,» – подумала я, терзаемая здравым желанием оплатить проезд. Это желание можно сказать является частью моего характера. Вытравить его из меня не смогла даже одна подруга ещё из студенческой жизни, которая никогда не платила за проезд, объясняя это тем, что раз в месяц она непременно сталкивается с контролёрами и платит штраф в один рубль, это как раз цена проездного студенческого билета на месяц. Так что зайцем она себя не считала. А так, говорила она, платишь-платишь по четыре копейки за каждый проезд, а сегодня, допустим, у тебя не оказалось разменной монеты, а тут на тебе! Контролёры! И получится, что и всё

время платила, да ещё и штраф теперь отдай. А так – платишь штраф один раз в месяц и справедливость не нарушается. Однако, её теория меня не подкупала, я традиционно оплачивала каждый свой проезд, даже не помышляя о заячьих уловках.

Вернёмся в автобус, который стремительно нёсся в Питер из Пулково. Остановки не было долго, и вот, наконец, какой-то хуторок и остановка замаячили впереди. Прямо среди полей. Я оставила дочь с багажом, а сама поторопилась, пока автобус стоит, к шофёру, неся в сердце не утраченное по дороге желание приобрести билет, а в руке – приготовленные денежки без сдачи.

И вот спешу я вперёд, а навстречу мне идёт молодой человек буквально кавказской национальности. А, может, таджикской. Или узбекской. Был он совсем юн, я только и успела подумать, что его лицо похоже на мордочку лягушонка, только не зелёного, а чёрного... Только и успела. Потому что в следующую секунду он жестом остановил меня и обратился, вглядываясь в пространство за моими глазами, вроде бы смотрит мне прямо в глаза, но взгляд его в глаза не попадал, как, впрочем, и вопрос, заданный им, не попадал в моё разумение:

– Вась блиетик позаста!

Это язык какой-то чужой? Или акцент такой сильный?

– Простите, я не поняла вас! – поспешила сообщить ему я.

– Блиетик показы! Я контраил...

Ничего не понимаю...

– Извините, я не понимаю вас. И пропустите, пожалуйста, мне билет купить надо у водителя...

Молодой человек опять жестом притормозил меня.

– Я – контроил! Блиетик давай!

– А-а-а! – осенило меня, – вы, наверное, кондуктор! – уже тогда Москва и Питер кишели выходцами-нелегалами из Средней Азии, а также других азиатских стран, ищущих возможности подзаработать в большом русском городе, – вот, держите, здесь на два билета... – я протянула ему деньги, приготовленные заранее.

Он взглянул на жалкие копейки и замотал головой:

– Ты не понимай! Я не трогую билет, я – контраил. Билет нет? Не купишь? Давай штраф!

– Послушайте, какой штраф? Я иду купить билет. Пропустите меня сейчас же! – «Какой он контролёр? Ведь, придумает же! По-русски бы сначала говорить научился!» – сердито подумала я, понимая, что меня просто пытаются развести, причём, даже не скрывая своих намерений...

Я сдвинула с дороги чёрного лягушонка, это не представлялось трудным для меня на физическом уровне и подошла к шофёру, который к этому времени снова сорвал автобус с места с не меньшей, чем ранее, скоростью.

– Билеты вы продаёте? – спросила я его, стараясь перекричать шум мотора.

Тот кивнул головой. Я решила не отвлекать его на такой скорости и подождать следующей остановки. Тут мне в спину опять задышал лягушонок:

– Штраф давай!

– Да какой штраф-то?

– Пятьдесят рублей! – без акцента выговорил своими шлёпанками-губами лягушонок.

– Да вы в своём уме? – возмутилась я. Я уже знала, что сутки пребывания в гостинице для журналистов, где мы должны были остановиться с дочерью, будут обходиться мне в шестнадцать рублей за человека, а тут на-те вам пожалуйста! Вынь да положь ни за что оплату гостиницы аж почти за двое суток!

– Давай пятьдесят рублей! – настаивал хлипкий лягушонок.

«Да пошёл ты!» – подумала я и обратилась к шофёру: «Этот человек, плохо говорящий по-русски, действительно контролёр?»

Шофёр пожал плечами и, всем видом давая знать, что не намерен вмешиваться в «процесс», продолжил разгон.

– Эй! – крикнул кому-то лягушонок, – айда сюда! Он не даёт пятьдесят рублей! – кричал он, тыкая в меня указательным пальцем.

Тут, как из ларца, подскочили двое бритых амбалов, которые одним движением руки могли бы придушить не только этого лягушонка, но и меня в придачу. Я и рта не успела открыть, как оказалась в их крепких ручонках.

– Пройдёте в опорный пункт милиции! Там разберёмся, что к чему, – почти галантно заявил мне один бритоголовый. – Притормози! – приказал он шофёру.

Тот молча и послушно убавил скорость...

– Какой пункт милиции среди полей? – удивилась я...

Ответа я не успела услышать. Просто оказалась посреди дороги под нежным питерским солнцем в компании трёх «контроилов», которые уверенно повели меня к посадкам вдоль дороги...

Тут-то я и ощутила кожей весь ужас произошедшего. Дочь осталась одна в автобусе. Деньги, пришитые к белью жгли солнечное сплетение.

Я поняла, что в следующую минуту я потеряю не только пятьдесят рублей, определяемых как штраф, но и гораздо больше. То есть, всё, что у меня есть. Это и будет штрафом за не умение дать должную и своевременную оценку возникшим обстоятельствам. И хорошо, если к тем деньгам, что защиты в карманчик из носового платка, не прибавится и моя жизнь...

Автобус снова сорвался с места и удалился, как моя последняя надежда на лучший, даже если он сто раз несправедливый, выход из ситуации...

Кошмар! Хорошо, что я успела себе это представить раньше, чем оказалась вне автобуса!

– Так! Всё... Я всё поняла... Будет вам штраф! – сказала я нарочито громко, когда амбалы приблизились ко мне и уже взяли меня под локотки. Я демонстративно открыла сумочку, достала кошелек, открыла его так, чтобы они видели, что ни в сумочке, ни в кошельке у меня нет денег, ради которых меня стоило бы тащить в «опорный пункт милиции». Я достала из тощенького кошелька сто рублей. Пятидесятирублёвок не было, к сожалению.

– Сдача будет? – я попыталась изобразить некоторую уверенность в себе.

– Нету здаци! – заявил лягушонок и выхватил купюру из моих рук.

Я побоялась, что они снова пойдут на заднюю площадку, где меня ждала дочь, у которой не было не только билета, но и денег, потому тут же купила у шофёра два билетика, едва он остановился на следующей остановке, которая опять же случилась ещё не в городе.

А эти трое – двое из ларца и чёрный лягушонок – вышли из автобуса и остались стоять на остановке. Надо полагать в ожидании следующего автобуса с очередной жертвой мошенников, на которых не было управы и от которых не было защиты, кроме вовремя пришедшей в голову мысли.

В городе светило всё то же нежное солнце. Однако, интеллигентным оно уже больше не казалось. И только Русский музей помог стереть чёрное пятно в душе, оставленное чёрным лягушонком...

«Селекция №50» 1997г. 60х30 х/м

Невыдуманная история 5. Надежда

1

2

3

4

5

6

7

– Алло! Ты дома? У тебя есть время?... Сон расшифруй мне, пожалуйста.

– А что приснилось-то? И кому?

– Мне приснилось, будто мы с девчонками, ну подружками моими, с разными, и из детства, и из студенчества... в общем, ты там тоже была... Так вот, идём мы по городу, торопимся куда-то, как на экзамен, и тут на пути люк открытый попался. Я остановилась и заглянула в него...

– Что увидела-то?

– Да ничего не увидела! А сумочку свою, которую я из Югославии привезла, уронила прямо в открытый люк. И очень расстроилась. А мне все говорят: «Да брось ты переживать! купишь другую!» Я говорю: «Да? Другую? Но там паспорт мой. И вся косметика! И там единственная моя дорогая вещь: золотые серёжки, которые мне мама отдала...» «Да всё это можно поменять!» – говорят мне подружки, только ты сказала: «Ладно, бегите, куда торопитесь, а ты давай спускайся туда, видишь, лестница есть, а я подожду тебя здесь. Если что, кричи.» Я и полезла. Спускаюсь, спускаюсь... ничего не вижу! И вдруг светлое пятно. Присмотрелась, а это мужик какой-то голый, правда, я только торс вижу, он протягивает мне мою сумку... Я схватила её и наверх быстренько, даже спасибо ему не сказала...

– Значит, ещё скажешь, если переживала об этом даже во сне. А за что? Да, наверное, не за сумку, а за что-то очень дорогое для тебя. Я при чём? Да, наверное, тоже приму какое-то участие в той проблеме, которая у тебя может возникнуть.

– Слушай, а ты дома ещё будешь или уходишь куда?

– Нет, у меня дома полно дел...

– Так я к тебе зайду? Мне ещё кое о чём поговорить надо.

– После работы? Ты же в библиотеке сейчас?

– Да, я в библиотеке. Но сейчас я иду на похороны. У учительницы моего Антошки муж умер. Мне родительский комитет поручил прийти на прощание, поддержать учительницу...

Просто наша библиотека для слепых, где я работаю, совсем рядом с домом учительницы находится... На кладбище я не поеду, а сразу к тебе. Дождёшься?

– Приходи, подожду.

Лилька опустила трубку телефона, посмотрела в читальный зал, там сидело всего два посетителя, они внимательно нащупывали строчки с выдавленными точками, шрифт Брайля, потом, собрав всякие женские мелочи в сумку, бросила коллегам:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.